

— Возможно, прежде я действительно не был столь безупречен. И то, что ты не любил прежнего меня, но вспылал страстью к нынешнему — вполне закономерно, такова человеческая природа. Но ответь мне, Сун Юй, ты и впрямь считаешь, что достоин ответного чувства? Или ты полагаешь, что любая твоя прихоть должна быть исполнена, и именно поэтому стал таким ничтожеством?

Се Фэнсин достал телефон, коснулся экрана несколько раз и небрежно положил устройство на стол.

«...Это Сун Юй испугался проигрыша. Его люди вышли на меня и дали двести тысяч...»

Из динамика раздался голос Сяо Вана. Сун Юй мгновенно задеревенел, словно его поразил удар.

Се Фэнсин поднялся. Спрятав руки в карманы брюк, он посмотрел на собеседника сверху вниз — холодный, отстраненный и бесконечно далекий.

— Это... это клевета! Я его даже не знаю! Фэнсин, ты должен мне верить, я...

— Я прекрасно понимаю, что это не прямое доказательство и под суд тебя не отдадут. Но что, если эта запись станет достоянием общественности? Как она повлияет на твою и без того подмоченную репутацию? Выдержишь ли ты такой удар сейчас, когда твоё имя и так на слуху не в самом лучшем смысле?

Голос Се Фэнсина оставался спокойным. Он говорил негромко и размеренно, словно зачитывал скучный отчет.

Сун Юй мелко задрожал. Буквально минуту назад ему казалось, что юноша почти тронут его признанием. Но сейчас взгляд Се Фэнсина был ледяным — в этой стуже сквозила почти осязаемая жестокость.

— На самом деле, я как раз собирался рассказать тебе об этом! Этот человек связывался со мной раньше, пытался шантажировать! Но я правда ничего не знал о его делишках...

Тот нанес удар так внезапно, что мужчина окончательно растерялся и начал запинаться.

— Я только что об этом узнал! Если бы я хоть на миг заподозрил, что они посмеют тронуть машину во время гонки, я бы никогда не позволил! Я ведь гонщик, я... Это всё Сюэ Чэн, ты же знаешь, какой он человек...

— Сун Юй, — Се Фэнсин оборвал его бессвязное бормотание. Облик юноши стал еще суровее.
— Ты так рьяно топишь Сюэ Чэна... Не боишься, что я записываю наш разговор?

Тот осекся. Его лицо в один миг стало мертвенно-бледным.

[Хозяин, не перегибай палку]

[Загнанный в угол зверь может решиться на отчаянный прыжок]

Се Фэнсин намеренно выдержал паузу. Он наблюдал, как краска то приливает к лицу Сун Юя, то сменяется серостью. Перед ним стоял красивый мужчина, но сейчас он казался Фэнсину уродливым и жалким.

— Теперь будь пайнкой и делай то, что я скажу. Считаю это своим шансом доказать преданность.

Се Фэнсин присел на край стола. Брюки чуть задрались, открывая щиколотки, а лакированные туфли тускло заблестели в свете ламп.

— Ты ведь только что клялся в любви, не так ли?

В глазах Сун Юя на этот раз блеснули настоящие слезы.

— Я правда люблю тебя...

Прежде он лгал бесчисленное количество раз, и Се Фэнсин верил каждому слову. Теперь же, когда он впервые был искренен, юноша не верил ни единому звуку. Мужчина поднял голову, глядя на Фэнсина снизу вверх.

— Для начала расскажи мне всё о твоих отношениях с Се Вэем.

При упоминании брата Сун Юй на мгновение замер, но тут же оживился. Казалось, он готов был принести в жертву что угодно и кого угодно, лишь бы это не вредило ему самому и помогло выслужиться перед Фэнсином.

Стоило крепости его духа дать трещину, как плотину прорвало. Сун Юй впал в какое-то исступление, граничащее с фанатизмом. Если поначалу он еще осторожничал, то вскоре начал вдохновенно расписывать, насколько подл Сюэ Чэн и как лицемерен Се Вэй. В его рассказе только он один оставался носителем истинной любви, ради которой готов был отречься от всех прежних связей.

— У меня сохранились переписки, есть доказательства! Всё, что я говорю — чистая правда, я ни в чем тебе не солгал! Смотри, сам посмотри!

Он выхватил телефон и начал лихорадочно листать чаты, подсовывая их Се Фэнсину. Тот лишь слегка опустил веки; по его лицу нельзя было понять, заинтересован он или нет. Он хранил мрачное молчание.

— Фэнсин, Сяо Фэн, ты мне веришь? Посмотри же!

Се Фэнсин поднялся. Он был так прекрасен, что его безупречный облик заставлял невольно склонить голову. Сун Юй осознал, что действительно влюблен. В это мгновение он отбросил остатки гордости, мечтая лишь о том, чтобы юноша удостоил его хотя бы взглядом и дал еще один шанс.

— Сделай последнюю вещь, — произнес Се Фэнсин, — а потом убирайся отсюда.

Се Вэй стоял в главном холле первого этажа. Заметив Матушку Чжан, хлопотавшую на кухне, он спросил:

— Вы не видели Фэнсина?

— Он поднялся наверх вместе с каким-то гостем, — ответила женщина.

Мужчина поднял голову, вглядываясь в лестничный пролет второго этажа.

— Ты очень о нем печешься, не так ли?

Он обернулся. Перед ним стоял Го Сяочуань со своей неизменной копной ярко-рыжих волос.

Сяочуань весь вечер не спускал глаз с друга. Сегодня он был счастлив больше всех, но когда увидел, как Фэнсин и Сун Юй уходят вдвоем, не на шутку встревожился. Он испугался, что старый приятель снова попадет на удочку сладких речей этого подлеца, и поспешил следом. Но вместо Сун Юя он наткнулся на Се Вэя.

Сяочуань всегда недолюбливал старшего брата Фэнсина. Тот был мастером притворства: как бы Го его ни задирали, тот всегда сохранял невозмутимый вид и маску великодушия.

Прямодушный Сяочуань умел давать отпор явным врагам, но против таких «святош», как Се Вэй, был бессилён.

Однако на этот раз он даже не пытался играть роль. Он не улыбнулся и просто проигнорировал выпад.

— Твои золотые деньки сочтены, — бросил Го Сяочуань. — Нынешний Се Фэнсин уже не тот бесхребетный мальчишка, которым был раньше. Я с удовольствием посмотрю, как тебе придется по крупицам возвращать всё, что ты у него отнял.

Эти слова, казалось, ударили Се Вэй в самое больное место. Он резко обернулся, и его взгляд стал пугающе мрачным, почти зловещим.

Го Сяочуань лишь раззадорился. Он даже глянул вверх, надеясь, что его друг увидит истинную личину оппонента.

«Лиса наконец-то сбросила шкуру, обнажив своё уродливое нутро!»

Он так долго ждал этого дня! Его неприязнь к Се Вэй была куда глубже, чем ненависть к Сун Юю. Последний был просто подонком, тогда как приемный сын — кукушонком, занявшим чужое гнездо. Сяочуань даже в документальных фильмах не мог спокойно смотреть, как птенцы кукушки выталкивают родные яйца из гнезда, а тут такое творилось в жизни!

Он намеренно продолжал провоцировать:

— Что такое? Попал в точку? Совесть замучила?

Се Вэй не удостоил его ответом и молча начал подниматься по лестнице. Однако, дойдя до верхней площадки, он замер.

Го Сяочуань не стал преследовать его. Он достал телефон и быстро набрал сообщение для Фэнсина:

[Смотри не попадись опять на удочку Сун Юя, а то я с тобой здороваться перестану!]

Ответ пришел почти мгновенно. Фэнсин ограничился двумя словами:

[Я знаю.]

Кратко и твердо. Сяочуаню очень нравилась эта новая решительность друга.

Выйдя из особняка, Го не стал уходить далеко и присел на скамью в тихом уголке сада. Двор был заставлен любимыми тюльпанами Дедушки Се: золотисто-алыми, белыми, нежно-розовыми. На столах тоже стояли букеты розовых цветов.

Их нежный окрас и изящная форма напомнили ему нынешнего Се Фэнсина.

Как же сильно изменился его друг... Может, в него и впрямь кто-то вселился? Если бы Го не был убежденным материалистом и сторонником науки, он бы точно поверил в переселение душ.

— Старший брат! — Сяочуань вскочил и помахал рукой.

Заметив его, Лу Чи подошел ближе.

— Ищешь Фэнсина?

— Он зашел внутрь? — спросил Лу Чи.

— Да, беседует с Сун Юем, — отозвался Сяочуань.

Лу Чи присел рядом.

Го редко видел двоюродного брата в костюме. После армии Лу Чи обычно предпочитал штормовки или куртки в милитари-стиле — в его облике всегда сохранялась выправка военного. Но сегодня на нем была строгая черная классика. Верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, что придавало ему вид одновременно аристократичный и небрежный. Высокий, длинноногий, он вальяжно вытянул ноги, открывая взгляду полоску черных носков над туфлями.

Сяочуаню было особо не о чем говорить с Лу Чи, поэтому над ними повисла неловкая тишина. Однако Лу неожиданно заговорил первым:

— У них с Сун Юем всё кончено?

Го Сяочуань опешил.

— Да сто лет как кончено! Он же записал его в контактах как «Придунок номер один», ты что, забыл?

Лу Чи лишь слегка улыбнулся и ничего не добавил.

Здесь, в тени сада, смешок мужчины прозвучал очень тихо. В свете фонарей блеснули его ровные белые зубы. На фоне ночного неба его лицо казалось поразительно молодым и привлекательным.

Го Сяочуаню вдруг подумалось: если бы Лу Чи тоже интересовался мужчинами, они с нынешним Се Фэнсином составили бы идеальную пару.

В конце концов, до того как увлечься Сун Юем, Фэнсин ведь был влюблен в Лу Чи. В те времена он не был таким блистательным, уверенным и холодным. Хотя он и был симпатичным, но вел себя крайне робко и замкнуто. Когда Го собирался на встречи со старшим братом, Фэнсин всегда умолял взять его с собой. Но стоило им оказаться рядом с Лу, как тот не смел и слова вымолвить.

Впрочем, его можно было понять. Лу Чи был на несколько лет старше, не по годам серьезен, со своим неповторимым стилем «плохого парня». Он смотрел на них как на детей, и они действительно его побаивались.

Боялись — и в то же время преклонялись.

Юность Лу Чи была настоящим триумфом. С самой средней школы он был легендой кампуса, любимцем фортуны и центром всеобщего внимания. Красивый, богатый, да еще и занимался таким крутым спортом, как гонки. Вокруг него вечно ошивалась толпа парней, мечтавших стать его свитой, и стайка первых красавиц, не сводивших с него глаз.

Он сиял как солнце. В таких парней влюбляются просто потому, что в них невозможно не влюбиться.

Позже, когда они повзрослели, они тоже начали баловаться гонками — скорее за компанию. В их кругу золотой молодежи все так или иначе пробовали себя на треке. Но Го и представить не мог, что Се Фэнсин, казавшийся самым пугливым и тихим, отнесется к этому серьезнее всех.

В юности у Фэнсина не было ничего, кроме гонок. Позже он даже нашел себе парня-пилота. Теперь, оглядываясь назад, Го понимал: во всём этом наверняка чувствовалось влияние Лу Чи.

Сейчас старший брат давно завязал с гонками. После службы в армии он стал солидным и зрелым. А Фэнсин, который когда-то никак не мог добиться успеха, внезапно превратился в выдающегося пилота и даже подписал контракт с командой Лу Чи.

Поразительная ирония судьбы.

— Вчера я обедал дома, и мама просила кое-что уточнить, — Сяочуань повернулся к брату с лукавой улыбкой. — У её подруги есть дочь, выпускница Кертисовского института, виолончелистка. Она хотела спросить, не желаешь ли ты познакомиться. Мама спит и видит, как бы тебя женить. Ты ведь до сих пор один... Или у тебя есть тайная пассия?

Лу Чи не успел ответить: они увидели Сун Юя, выходящего из особняка.

Вид у него был довольно жалкий. Лицо пылало, он нервно поправил очки и пригладил растрепавшиеся волосы. Простояв под навесом террасы несколько мгновений, он быстрым шагом направился к гостям в саду.

[Как жаль, не хватило всего двух баллов!] — сокрушалась Сяо Ай. — [Нужно было поднажать!]

— Не спеши, — отозвался Се Фэнсин. — В нем осталась последняя капля пользы.

[Но ведь у нас нет прямых улик ни против Сун Юя, ни против Се Вэя.]

— Знаю, — ответил Фэнсин. — Но в некоторых делах доказательства не нужны. Все присутствующие здесь — люди неглупые, и каждый сделает свои выводы.

Он зашел в уборную и тщательно вымыл руки с мылом, словно пытался избавиться от ощущения прикосновения Сун Юя.

Выйдя в коридор, он увидел Се Вэя, застывшего у лестницы.

— Ты в порядке? — спросил тот.

Когда Сун Юй выходил, он выглядел странно. Они обменялись взглядами, но тот не проронил ни слова и просто спустился вниз. Интуиция подсказывала Се Вэю, что Сун Юй потерпел сокрушительное поражение.

Он не знал, чего в его душе больше — тревоги или облегчения.

Се Фэнсин ответил непринужденно:

— Я — в полном. А вот ты — нет.

Собеседник вздрогнул.

Фэнсин не собирался продолжать разговор и направился к лестнице, но Се Вэй перехватил его за руку. Юноша обернулся. Мужчине было не по себе под взглядом этого ослепительного, почти незнакомого лица; он разжал пальцы и убрал руку в карман.

— Что тебе наплел Сун Юй?

Фэнсин парировал:

— Брат, неужели ты до сих пор не понял, что за человек Сун Юй?

— И ты винишь меня в этом? — в его голосе послышались нотки праведного возмущения. — Сейчас он в отчаянии и готов наговорить что угодно, лишь бы вернуть тебя. Ты ведь сам знаешь, как я к тебе относился все эти годы. Не стоит верить чужим наветам.

— Ради наследства? Ради кресла в компании? Или всему виной твои комплексы приемного сына? — Се Фэнсин говорил спокойно. — Твои аппетиты оказались непомерно велики.

Лицо Се Вэя исказилось от потрясения:

— Ты хоть понимаешь, что несешь?!

На его гнев Се Фэнсин ответил абсолютным спокойствием. Он стоял перед ним, лишенный эмоций, словно совершенный механизм. Сердце мужчины сжал холодный, необъяснимый страх.

— Это всё Сун Юй тебе напел? И ты веришь словам такого ничтожества?

— Ты и сам прекрасно знаешь, кто он такой, — произнес юноша. — И тебе стоило бы запомнить одну простую истину: не стоит изливать душу подобным людям, даже будучи навеселе. Рано или поздно он тебя продаст.

Се Вэй побледнел, между его бровей пролегла глубокая складка.

В памяти всплыл тот вечер: он, слегка захмелевший, сидел в баре и жаловался на хрупкость своего положения как приемного сына, рассказывал, скольких трудов ему стоило выстроить идиллию с любящим отцом и послушным младшим братом. Тогда он, подперев голову руками, косо взглянул на Сун Юя и сказал: «Моему брату наверняка понравится кто-то вроде тебя. Он любит мужчин и обожает гонки. Может, мне вас познакомить?»

Се Фэнсин начал спускаться по лестнице.

— Иди к нему. Может быть, тебе еще удастся устроить ему очную ставку.

Юбилейный банкет продолжался, гости веселились. Се Вэй вышел в сад и начал искать глазами Сун Юя, но того нигде не было. Не было видно и Дедушки Се.

— Вы не видели отца? — спросил он Дядю Чэня.

Старый слуга заметил его растерянный вид и поинтересовался:

— Что-то случилось?

Мужчина проигнорировал вопрос и скрылся в толпе. Расспросив нескольких гостей, он быстрым шагом направился к беседке и вскоре увидел вдали Сун Юя и отца, стоявших в тени купола.

Сердце Се Вэя пропустило удар. Дурное предчувствие охватило его с такой силой, что он едва не сорвался на бег.

Рояль перекатили в угол крытой террасы. Се Фэнсин подошел к нему и сел на банкетку. Его тонкие, длинные пальцы пробежали по клавишам. До, ре, ми, фа, соль, ля, си — он проверил строй инструмента, а затем выпрямился и начал играть.

Звуки музыки поплыли в ночном воздухе, подобно журчащему ручью. В переплетении огней и теней мелодия манила к себе, заставляя гостей обертываться.

Се Вэй обернулся на звук. С такого расстояния Фэнсин в лучах софитов казался прекрасным призраком.

Когда мужчина добрался до беседки, Сун Юй уже ушел. Остался только Дедушка Се: он стоял, подбоченясь, с зажатой в углу рта сигаретой. Лицо его было мрачнее тучи.

— Папа, — позвал Се Вэй.

Отец обернулся, но промолчал.

— О чем с вами говорил Сун Юй? — спросил мужчина.

Старик Се глубоко затянулся, по-прежнему храня молчание.

— Он дурной человек, — заговорил собеседник, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Только что он пытался рассорить нас с Фэнсином. Прошу, не верьте ни единому его слову.

— Вот как? — коротко бросил старик.

Се Вэй плотно сжал губы. Его тело едва заметно подрагивало.

— Разумеется, я ему не верю, — произнес глава семейства. — Тебе не стоит так нервничать.

Он протянул руку и похлопал Се Вэя по плечу.

— Пойдем. У нас еще полно гостей.

Тот выдавил из себя бледное подобие улыбки.

Никто не знал Дедушку Се лучше него. Этот старик за маской добродушия скрывал жесткую, почти беспощадную натуру. Делая вид, что отошел от дел, он по-прежнему крепко держал в руках все рычаги управления. За столько лет работы в компании приемный сын так и не смог переиграть доверенных лиц отца и оставался лишь послушной марионеткой.

Старик часто хвалил его, сетуя на никчемность родного сына.

Но любил ли он его на самом деле?

Вряд ли эта любовь стоила и половины той привязанности, что он питал к Се Фэнсину. Если нынешний Фэнсин твердо решил бороться за своё место, то самый страшный кошмар Се Вэя, мучивший его долгие годы, мог стать явью.

— Папа... — начал он.

Но Старик Се уже не слушал. Он направился к гостям, с улыбкой принимая поздравления.

Се Вэй остался стоять в тени один. Весь этот блеск, звон бокалов и радостный смех вокруг казались ему предвестниками конца. Музыка становилась всё стремительнее, она била по нервам. Измученный бессонницей последних дней, он почувствовал, как мир вокруг него начинает вращаться.

Всё больше людей собиралось у террасы, привлеченные игрой Се Фэнсина. Он исполнял незнакомую им вещь — величественную и полную неистовой страсти.

Фэнсин, продолжая играть, обернулся на голос. Позади стоял Сун Юй.

— Я всё ему рассказал. Я рассказал старику правду. Но не знаю, поверит ли он мне.

— Это была чистая правда?

Тот горячо заверил:

— Каждое слово.

— Теперь проваливай, — бросил Фэнсин.

Сун Юй закусил губу.

— Не знаю, поверишь ли ты мне, но я правда тебя лю...

— Проваливай, — повторил юноша.

Тот, густо покраснев, развернулся и быстро зашагал прочь. Отойдя на приличное расстояние, он оглянулся. Се Фэнсин сидел за роялем, залитый светом потолочных ламп. Он выглядел безмятежно — прекрасный, как изваяние из нефрита. Под его белыми пальцами темп музыки всё ускорялся. Казалось, пилот намеренно щеголял своим мастерством, но при этом лицо его оставалось холодным. Он бесстрастно демонстрировал своё сокрушительное обаяние.

Этот человек действительно стал бесстрастным.

В душе Сун Юя вспыхнул пожар из любви и ненависти, который он был не в силах вынести. Шансов больше не было. Се Фэнсин не питал к нему ни капли прежних чувств. Осознание этой безвозвратной утраты, горечь сожаления и жгучее унижение захлестнули его с головы до ног.

Се Фэнсин услышал в сознании короткий сигнал «динь-дон». Тут же раздался восторженный, почти оглушительный крик Сяо Ай:

[Сотня! Ровно сто баллов!!!]

Фэнсин ничего не ответил, лишь мелодия под его пальцами стала еще более звучной. К роялю, прихватив бутылку вина, подскочил Го Сяочуань.

— Что хочешь послушать? — спросил его Се Фэнсин.

Го, захлебываясь от восторга, воскликнул:

— А что ты умеешь? Се Фэнсин, сколько еще талантов ты от меня скрывал?! Ну и друг, даже мне ничего не сказал!

Фэнсин промолчал и просто заиграл новую мелодию. Глаза Сяочуаня мгновенно засияли.

Это была мелодия, которую он установил в качестве рингтона на звонок от своего парня. Джо Хисаиши — тема «Summer» из фильма «Лето Кикуджиро».

Фэнсин изменился до неузнаваемости. Го был искренне рад этим переменам, но в глубине души иногда ощущал пустоту: нынешний Се Фэнсин казался ему чужим, почти знакомым в своей холодности. Пилот стал отстраненным, он почти не улыбался. Сяочуань порой тосковал по прежнему другу, который так сильно от него зависел, но тут же одергивал себя — нельзя быть таким эгоистом. Сейчас Фэнсин был сильным, самостоятельным и ослепительным.

Но услышав эту мелодию, Го понял: что-то в его друге осталось неизменным. Он всё еще был его лучшим другом, всё таким же внимательным.

Слегка захмелевший, Го Сяочуань оперся на рояль, слушая музыку. Вторая половина «Summer» — быстрая и невероятно радостная. Наблюдая за тем, как белые пальцы Фэнсина порхают по клавишам, Го почувствовал, как его собственное сердце готово взлететь.

Затем его взгляд упал на Лу Чи, стоявшего неподалеку. Тот молча и с нескрываемым жаром смотрел на играющего юношу.

Этой ночью Се Фэнсин, казалось, покорило немало сердец.

[Еще раз поздравляю, Хозяин, задание в мире «На борт» выполнено!]

[Восстановление сенсорного восприятия: тридцать процентов]

Пальцы замерли на клавишах — пьеса закончилась. Се Фэнсин выпрямился и чуть вскинул голову. В этот миг он был прекраснее и холоднее, чем тюльпаны, стоявшие на крышке рояля.

<http://bllate.org/book/15841/1436251>